

П.А. СТОЛЫПИН И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПАЛАТЫ

Отношения с законодательными палатами – Государственной думой и реформированным Государственным советом – занимали весьма важное место в политической деятельности П.А. Столыпина. В той или иной мере они освещались в работах А.Я. Авреха, Д. Хоскинга, В.С. Дякина, А.П. Бородина и др.¹, однако для того, чтобы показать роль Столыпина в выработке и проведении правительственной политики в отношении палат и понять цели, которые он при этом преследовал, и средства, имевшиеся в его распоряжении, нужен их целостный анализ.

По воспоминаниям своих сотрудников, Столыпин при назначении министром не имел определенной программы и не мог ее самостоятельно разработать². При этом он находился «в настроении, приближавшемся к октябризму»³, и выражал «весьма туманное в смысле способа его осуществления стремление примирить общественность с государственной властью»: «Политику примирения он стремился проводить и в своих отношениях с земскими деятелями в Саратовской губернии и успел там завоевать их симпатии... и, несомненно, мечтал в первое время идти тем же путем и в отношении Государственной думы»⁴. В письмах жене, написанных накануне созыва I Государственной думы, Столыпин объявлял себя «первым в России конституционным министром внутренних дел» и делился своими надеждами: «Я задаюсь одним – пробить министром 3–4 месяца, выдержать предстоящий шок, поставить в какую-нибудь возможность работу совместную с народными представителями и этим оказать услугу родине»⁵.

Однако в период деятельности I Думы общее направление правительственной политики от Столыпина не зависело. Ему даже не довелось выступить по аграрному вопросу, так как Совет министров решил, что правительственную позицию должны излагать более последовательные сторонники неприкосновенности частной собственности. Министр внутренних дел был этим очень недоволен⁶. Его контакты с Думой сводились прежде всего к выступлениям с ответами на думские запросы, касавшиеся правительственных репрессий, обвинений полиции в провоцировании погромов, а также организации помощи пострадавшим от неурожая. В своих речах он развивал идею сильной власти, действующей на основании законов и обеспечивающей «порядок, необходимый для развития самых широких реформ»⁷. По отзывам современников, Петр Аркадьевич оказался отличным оратором⁸. Его выступления сочетали яркие образы и выражения, логику и (в большинстве случаев) искренность и убежденность в своей правоте. Однако в I Думе Столыпин не добился успеха. Ему кричали: «Долой! Отставка! Погромщик!» По его ответам были приняты резолюции, обвинявшие правительственную администрацию в создании препятствий для помощи голодающим и в соучастии в организации погромов. Тем не менее Столыпин оказался едва ли не единственным министром, способным возражать представителям радикальной оппозиции, противопоставить им определенную программу, в которой сочетались борьба с революцией и проведение реформ, и твердо отстаивать правительственную политику как перед депутатами, так и перед обществом. Это стало едва ли не основной причиной назначения его председателем Совета министров.

В мае 1906 г. Столыпин, как и большинство сановников, не поддержал планы Николая II и председателя Совета министров И.Л. Горемыкина немедленно пересмотреть закон о выборах в Думу⁹. По свидетельству министра финансов В.Н. Коковцова, в конце мая Столыпин считал, что основные причины конфликта с Думой – «самый состав правительства» и нежелание Горемыкина взаимодействовать с палатой¹⁰.

* **Демин Вадим Александрович**, доктор исторических наук, профессор Московского государственного индустриального университета.

Но вскоре мнение министра внутренних дел изменилось. 7–8 июня 1906 г. Столыпин поддержал большинство членов Совета министров, считавших, что «нынешний состав Государственной думы и принятое ею направление прямо угрожает существованию государства», поскольку «Дума стала у нас опорным пунктом революционного движения, и каждый день укрепления ее в присваиваемой ею себе власти приближает срок открытого взрыва, предвестники коего уже достаточно явственны». В силу этого предлагалось распустить Думу «со дня на день» при первом «удачном моменте» (в случае отказа рассматривать срочные правительственные проекты или при «каком-либо крайнем заключении ее в области общеполитических вопросов»), «дабы оправдать в глазах благоразумной части населения государственную необходимость такой меры»¹¹.

Роспуск Думы предполагалось осуществить одновременно с формированием нового правительства. Ведя во второй половине июня – середине июля по поручению Николая II (и наряду с другими сановниками) переговоры с руководителями либеральных партий о возможности вхождения общественных деятелей в Совет министров, Столыпин не соглашался на создание кадетского кабинета и допускал лишь небольшие уступки. Ключевые посты в правительстве должны были занимать представители бюрократии, участие в нем кадетов исключалось, общественность олицетворяли бы только октябристы и мирнообновленцы. Такие условия оказались для умеренных либералов неприемлемыми¹².

Возглавив правительство после роспуска I Думы, Столыпин поставил себе цель добиться сотрудничества с новыми депутатами. По его требованию из правительства были удалены противники конституционного строя – главноуправляющий земледелием А.С. Стишинский и обер-прокурор Синода кн. А.А. Ширинский-Шихматов. Столыпин полагал, что «их присутствие ухудшит положение правительства перед всяким народным представительством даже самого умеренного состава»¹³. Пересмотр избирательного закона был временно отложен. Летом–осенью 1906 г. в порядке чрезвычайного законодательства началось проведение либеральных реформ. Правительство стремилось добиться популярности и в то же время действовать «в пределах благоразумной осторожности», чего «нельзя было ждать от Государственной думы»¹⁴. 16 февраля 1907 г. Столыпин разослал циркуляр с предписанием «всемерно воздерживаться на будущее время от применения военно-полевых судов, прибегая к ним лишь в самых крайних случаях»¹⁵. После этого военно-полевые суды уже не создавались, правительство не настаивало на законодательном закреплении их существования, и спустя два месяца после созыва Думы они были формально упразднены.

В 1906 г. Горемыкин откровенно игнорировал Думу, выступив в ней лишь один раз. Столыпин положил начало активному взаимодействию главы правительства и нижней палаты. Он произнес во II Думе 8 речей, не считая одного краткого заявления. До мая в его словах звучала надежда на отделение кадетов от крайне левых и достижение компромисса с Думой. В оглашенной 6 марта 1907 г. правительственной декларации говорилось о закреплении политических свобод, о предстоящих реформах местного самоуправления, администрации и суда, а также о других политических, социальных и финансовых преобразованиях. Выступая за отмену «насильственного прикрепления крестьянина к общине», министр признал необходимым увеличение землевладения крестьян, получивших при отмене крепостного права «дарственные» наделы¹⁶. В импровизированной речи, произнесенной в тот же день в ответ на революционные заявления эсдеков, Столыпин подтвердил намерение правительства сотрудничать с Думой на началах «строгой законности» и нежелание говорить на «языке злобы и ненависти». Одновременно он указал на неприемлемость каких-либо враждебных «нападков», на которые «правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “Не запугает”»¹⁷. По воспоминаниям председателя II Думы кадет Ф.А. Головина, «моральная победа» оказалась на стороне министра, поскольку его речи «дышали силой, благородством и готовностью забыть партийные распри и дружно работать с Думой на пользу государства»¹⁸.

При этом после открытого нежелания I Думы подчиняться законам, изданным до ее созыва, Столыпин пристально следил за точным их соблюдением депутатами II Думы. На практике это вылилось в конфликты из-за пропускного режима в Таврическом дворце (по приказу Столыпина охрана перестала пропускать экспертов, приглашенных думскими комиссиями)¹⁹.

Вместе с тем доклады главы правительства императору о начале работы II Думы (20 февраля и 6 марта 1907 г.) были составлены в благоприятных для депутатов выражениях²⁰. Николай II изначально высказывался за решительные меры против думцев, однако Столыпин какое-то время сдерживал его, рассчитывая на компромисс с кадетами (первоначально контролировавшими думское большинство) и их разрыв с революционерами. Однако уже 14 марта, в общем положительно оценивая итоги работы правительства с депутатами, он констатировал в докладе, что «в Государственной думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно»²¹. В дальнейшем деятельность палаты оценивалась им скорее негативно, однако глава Совета министров считал «твердое слово» императора председателю Думы достаточным для «борьбы с революционизированием народа с думской кафедры». Роспуск, по его мнению, был выгоден лишь «левым партиям»²².

Со своей стороны, кадетское руководство II Думы не стало выражать недоверие правительству и открыто требовать его подчинения. Более того, думцы приступили к рассмотрению правительственных законопроектов, которые I Дума, как правило, оставляла без внимания. Однако кадеты не могли согласиться на открытый разрыв с революционным движением или поддержать правительственные репрессии против него. П.Н. Милоков отклонил предложение Столыпина «легализовать» кадетскую партию в том случае, если она выступит с осуждением терроризма в Думе или хотя бы в газете «Речь»²³.

В середине апреля 1907 г. во II Думе выявилось революционное большинство, состоявшее из социалистов, трудовиков и польского кола²⁴. Это значительно усилило враждебность к палате Николая II и побудило Столыпина согласиться на ее роспуск²⁵. Тогда же от имени императора он поручил товарищу министра внутренних дел С.Е. Крыжановскому разработать проект избирательного закона, который должен был обеспечить «преимущество на следующих выборах более культурным слоям населения»²⁶. 8 мая 1907 г. глава правительства выступил в Думе с речью по аграрному вопросу, заявив, что передача всей земли крестьянам не устранила бы их малоземелья, однако привела бы к экономическому краху и беспримерному социальному перевороту – уничтожению «многочисленного, образованного класса землевладельцев», создающего на местах «редкие культурные очаги», а потому стала бы «гибельной для страны». Столыпин указал на невозможность сохранения за крестьянами их наделов при принудительном отчуждении помещичьих земель и отметил, что реализация кадетского проекта («полуэкспроприация, полунационализация») «в конечном выводе... приведет к тем же результатам, как и предложения левых партий». Обязательное отчуждение правительство признавало возможным лишь для устранения чересполосицы, устройства проходов к водопою и т.п. «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь, – говорил Столыпин в конце своего выступления. – Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»²⁷. Речь была воспринята как признак окончательного отказа от поисков компромисса с кадетами (и II Думой в целом) в аграрном вопросе и усилила революционные настроения в палате.

Одновременно велась подготовка к роспуску Думы. В конце апреля 1907 г. начальник петербургского охранного отделения полковник А.В. Герасимов доложил Столыпину о составлении военной организацией петербургского комитета РСДРП солдатского наказа думской социал-демократической фракции. Глава правительства потребовал арестовать солдатскую делегацию при вручении наказа и привлечь принимавших его депутатов к суду. При обыске, проведенном полицией 5 мая 1907 г. в помещении фрак-

ции после ухода солдатской депутации, были обнаружены материалы, доказывавшие принадлежность фракции к РСДРП, борющейся за свержение монархии путем вооруженного восстания²⁸. Участие же в сообществе, имеющем целью «насильственное посягательство на изменение в России... установленного законами основным образа правления», согласно ст. 100 и 102 Уголовного уложения 1903 г., наказывалось «каторгой на срок не свыше десяти лет»²⁹. 7 мая Столыпин прямо обвинил социал-демократическую фракцию в связях с «военно-революционной организацией, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках»³⁰. 1 июня 1907 г., после завершения работы над новым избирательным законом, он потребовал от Думы устранить социал-демократов от участия в заседаниях и лишить неприкосновенности депутатов, принимавших делегацию солдат. При этом особо оговаривалось, что «всякое промедление» или «удовлетворение не в полной мере» этих требований «поставило бы правительство в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве»³¹. Кадеты не были готовы признать преступным членство в революционной партии. Руководимая ими думская комиссия, убедившись в отсутствии доказательств участия фракции в подготовке восстания, затянула составление доклада. После истечения срока ультиматума Дума была распущена. Столыпин контрассигновал соответствующий указ и новое положение о выборах.

Но и теперь он высказался против того, чтобы правительство своей властью определяло повестку заседаний Думы и сроки рассмотрения ею законопроектов, а также могло требовать повторного рассмотрения тех из них, которые получили поддержку лишь незначительного большинства³². Впрочем, несмотря на благожелательное отношение к Думе, Столыпин без колебаний предъявлял ей претензии, если считал затронутым престиж правительства. В частности, 17 марта 1908 г. он написал председателю Государственной думы Н.А. Хомякову резкое письмо по поводу инцидента в одной из думских подкомиссий, председатель которой сделал «замечание» директору Департамента полиции, когда тот позволил себе критику в неделовых выражениях³³. В апреле 1908 г. председатель Совета министров протестовал против того, что Хомяков назвал «неудачным» заявление министра финансов Коковцова об отсутствии в России парламента³⁴. В то же время Столыпин безуспешно пытался взять под контроль все контакты правительственных чиновников и Думы. Несколько раз (в 1906 и 1908 гг.) он издавал циркуляры, запрещавшие государственным учреждениям сообщать депутатам те или иные сведения (единственным законным способом получения официальных данных признавались думские запросы)³⁵.

Столыпин стремился создать в III Государственной думе проправительственное большинство из октябристов и правых. Включение в эту коалицию кадетов он считал уже нецелесообразным, и даже не допустил в ноябре 1907 г. избрания товарищем председателя Думы кадета В.А. Маклакова, кандидатуру которого готовы были поддержать многие октябристы³⁶. Тогда же ему удалось добиться образования фракции умеренно правых, которая на первых порах была близка октябристам³⁷. Для налаживания отношений с III Думой Столыпин использовал как выступления в общем собрании и комиссиях, так и неформальное общение с видными депутатами (особенно с лидерами октябристов и умеренно правых А.И. Гучковым и П.Н. Балашовым)³⁸. В общем собрании III Думы глава Совета министров произнес 18 речей.

Примерно до весны 1909 г. взаимодействие правительства и Государственной думы складывалось успешно. Дума осудила революционный террор и одобрила те из важных правительственных проектов, которые успела рассмотреть (о строительстве Амурской железной дороги и второго пути Транссиба, о создании сыскных отделений, введении условного досрочного освобождения, повышении акциза на папиросные гильзы и бумагу, введении условного осуждения, повышении жалования офицерам и др.). В 1908 г. Дума впервые одобрила бюджет. Особое значение имела поддержка думским большинством аграрной реформы. Возражая 5 декабря 1908 г. против внесенных кадетами и правыми поправок, предусматривавших превращение выделенных из общины земель в семейную собственность, Столыпин призывал «иметь в виду разумных и

сильных, а не пьяных и слабых». Он не сомневался в том, что «таких сильных людей в России большинство». Полемизируя с кадетами, глава правительства заявлял, что «нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы», в то время как «кабала общины, гнет семейной собственности являются для 90 миллионов населения горькой неволей»³⁹. В результате, эти поправки были отклонены Думой.

В ряде случаев правительство использовало думские выступления для возбуждения «щекотливых» вопросов. Так, в июне 1908 г. Дума обсудила инспирированные Столыпиным запросы о попустительстве антигосударственной деятельности финляндских властей, что послужило толчком к разработке мер, ограничивавших автономию Финляндии. Критика октябристами и умеренно правыми (с фактического одобрения Столыпина⁴⁰) разделения управления военным ведомством между несколькими независимыми друг от друга сановниками и засилья в нем великих князей имела значительный резонанс и вскоре привела к восстановлению единого руководства армией. Как правило, благожелательно принимались Думой и ответы министров на запросы. В частности, в феврале 1909 г. Столыпин добился поддержки думцев в деле Е.Ф. Азефа, которого он охарактеризовал как добросовестного полицейского агента.

Впрочем, и в 1908–1909 гг. отношения Столыпина и III Думы не были безоблачными. Конфликты по частным вопросам начались очень быстро, хотя до определенного момента они не имели большого значения. В январе 1908 г. Дума вопреки мнению правительства предварительно одобрила кадетский проект расширения своих бюджетных прав. Палата желала контролировать конверсионные займы и государственные гарантии железнодорожных облигаций. В апреле 1908 г. Дума сочла незаконным продление на год действия штатов Министерства путей сообщения, последовавшее на основании утвержденного императором положения Совета министров, и сократила ассигнование на них на 1 руб. (расходы, вызванные законными императорскими повелениями, сокращаться палатами не могли). Государственный совет согласился с этим решением. Дума приняла резолюцию о необходимости обследования железных дорог, что привело к созданию Верховной комиссии с участием членов законодательных палат. Особенно резкой критике подвергалось Морское министерство. В мае 1908 г. Дума отклонила ассигнования на военно-морскую программу, несмотря на выступления Столыпина в ее поддержку и в комиссии, и в общем собрании. В январе 1909 г. из-за неспособности наладить отношения с Думой свой пост покинул морской министр И.М. Диков.

Обеспечить законное отклонение неприемлемых для правительства решений Думы должен был Государственный совет, членом которого Столыпин был назначен 1 января 1907 г. Министр выступал в верхней палате 21 раз (с 16-ю речами и пятью репликами). В марте и ноябре 1907 г., желая подчеркнуть равноправие палат, он повторял в Совете произнесенные в Думе правительственные декларации (Горемыкин в 1906 г. этого не сделал). Оба раза Совет в ответ принимал «формулу перехода», в которой говорилось о «полной готовности содействовать осуществлению законодательных предположений правительства». 13 июня 1908 г. Столыпин впервые «апеллировал к Государственному совету» после отклонения в Думе программы строительства линейного флота. По мнению главы Совета министров, Дума отказалась предоставить кредит, рассчитывая добиться преобразования морского ведомства, и тем превысила свои полномочия, поскольку подобное давление законодательной палаты на правительство ведет к парламентаризму, противоречащему Основным законам и совершенно не подходящему для России⁴¹. Государственный совет охотно поддержал правительство и в деле кораблестроения, и в споре о конверсионных займах. В конце 1908 г. Столыпин вновь апеллировал к верхней палате в связи с попытками Думы внести существенные поправки в штаты Министерства путей сообщения.

Немало хлопот доставляла Столыпину правая группа Государственного совета. Одобрение Думой проекта штатов Морского Генерального штаба (т.е. не только соответствующих расходов, но и самого расписания должностей) она объявила вторжением в прерогативы императора. По инициативе правых Совет в июле 1908 г. отклонил слабо поддержанный правительством проект. Морской министр вновь внес его в Думу,

которая без прений одобрила его в прежнем виде, отказавшись голосовать исключительно за выделение кредита. В марте 1909 г. Государственный совет принял этот проект под жестким давлением со стороны правительства (по просьбе болевшего Столыпина его позицию отстаивал председательствовавший в Совете министров Кокорцов). После этого председатель верхней палаты М.Г. Акимов, докладывавший монарху одобренные палатами законопроекты, указал на попытку ограничения царской власти и необходимость отклонения проекта. В противном случае он готов был подать в отставку⁴². Со своей стороны, Столыпин 22 марта 1909 г. писал императору о том, что отклонение проекта сделает «для правительства в настоящем его составе дальнейшее несение обязанностей невыполнимым»⁴³. Тем не менее 25 апреля 1909 г. Николай II вернул проект с резолюцией «Не утверждаю». «О доверии или недоверии речи быть не может, – писал он по этому поводу Столыпину. – Такова моя воля. Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии... и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке. Конечно, и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро улягутся»⁴⁴.

Под давлением правых Столыпин взял обратно для получения заключения Синода внесенный в Думу законопроект, регулировавший отношение государства к различным исповеданиям (вновь он уже не вносился), а также отказался от имевшегося на рубеже 1908–1909 г. намерения форсировать создание волостного земства⁴⁵. Между тем при рассмотрении законопроектов о смене исповедания, старообрядческих общинах и отмене ограничений для снявших духовных сан руководимые октябристами думские комиссии предложили восстановить положения первоначальных проектов МВД, измененные по требованию Синода. В частности, было предложено легализовать отпадение от христианства в иноверные исповедания, предоставить старообрядцам право проповеди, установить явочный порядок регистрации общин, отменить правовые ограничения для бывших священников и др. Столыпин оказался в непрестом положении. «По существу, конечно, Синод не только совершенно забывает манифест 17 октября о своде совести, но и впадает в противоречие с основаниями манифеста 17 апреля о веротерпимости», – писал он обер-прокурору Синода П.П. Извольскому 16 декабря 1907 г. Но в этом же письме говорилось: «В Думе же против Синода мы не пойдем»⁴⁶. В мае 1909 г. глава правительства доказывал в Думе необходимость «согласовать интересы вероисповедной свободы и общегосударственные интересы с интересами господствующей первенствующей Церкви»⁴⁷. Хотя Дума одобрила без каких-либо поправок проекты своих комиссий, впоследствии они были формально или фактически отклонены Государственным советом при согласии правительства.

Государственный совет в 1909–1910 гг. демонстрировал лояльность правительству. В частности, при рассмотрении реформы крестьянского землевладения, вызвавшей критику со стороны всех групп верхней палаты, Столыпин выступал пять раз, и все поддержанные им поправки были приняты, а те, против которых он возражал – отклонены. Еще одной его личной победой стало рассмотрение законопроекта о сборах с железнодорожных грузов. Первоначально Государственный совет фактически его отклонил, передав в согласительную комиссию⁴⁸. При обсуждении ее доклада 24 февраля 1910 г. Столыпин лично отстаивал проект. «Я смею думать, – заявил он при этом, – что в тех программных вопросах, в которых достигнуто соглашение между Государственной думой и правительством и против которых Государственный совет принципиально не возражает, правительство вправе искать поддержки верхней палаты»⁴⁹. В результате проект был одобрен.

С весны 1909 г. правительство все больше проявляло интерес не к либеральным реформам (их проекты, к этому времени уже внесенные в Думу, как правило, продолжали поддерживаться), а к национальной политике. Началась разработка закона об ограничении автономии Финляндии. В мае 1909 г. был внесен законопроект о выделении Холмского края, населенного преимущественно украинцами, из Варшавского генерал-губернаторства (ранее это предполагалось приурочить к введению в Польшу местного самоуправления). В Думе в 1909–1910 гг. Столыпин стремился продолжать

сотрудничество с октябристами. В мае 1909 г. он воспрепятствовал выходу из фракции Союза 17 октября не желавших быть в оппозиции депутатов во главе с М.В. Родзянко, дабы не допустить чрезмерного усиления правых⁵⁰. Однако уже осенью 1909 г. по инициативе председателя Совета министров фракция умеренно правых объединилась с занимавшей более консервативные позиции национальной фракцией правых в русскую национальную фракцию. Она и стала основной опорой Столыпина.

Законодательная работа Думы в общем соответствовала видам правительства. Была одобрена реформа местного суда, предусматривавшая упразднение волостных судов, лишение земских начальников судебных полномочий и восстановление выборного мирового суда. Впоследствии при обсуждении законопроекта в комиссии Государственного совета Столыпин по совету своего шурина А.Б. Нейдгарта согласился с сохранением значительно улучшенных волостных судов. В таком виде закон был утвержден в 1912 г. Николаем II, и с 1914 г. началось его осуществление. Также получили поддержку и другие важные правительственные проекты: об ограничении автономии Финляндии, о землеустройстве, создании земства в Западном крае. В марте 1910 г. после выступления Столыпина Дума отклонила запрос об издании 28 августа 1909 г. в административном порядке правил об ограничении полномочий палат по военным делам.

В то же время оппозиционность октябристов постепенно усиливалась. Гучков, по категорическому требованию Столыпина избранный в марте 1910 г. председателем Думы⁵¹, все настойчивее требовал проведения различных реформ и установления «прочного правопорядка». После обсуждения запроса о преследовании профсоюзов, внесенного социал-демократической фракцией, Дума приняла резолюцию, в которой признавалось, что соответствующая практика затрудняет «осуществление законного права образовывать общества и союзы». При рассмотрении другого запроса Дума признала незаконными действия министра юстиции. Вновь были отклонены кредиты на строительство флота. Осенью 1910 – весной 1911 гг., несмотря на то, что реализация реформаторской программы Столыпина продолжалась (в частности, были одобрены законопроекты об авторском праве, уравнивании женщин в наследственных правах и др.), отношения правительства и палат быстро ухудшались. Дума внесла неприемлемые для правительства поправки в законопроекты о начальном образовании, впоследствии отклоненные Государственным советом. В конце 1910 г. в октябристской прессе велась кампания против Государственного совета, Гучков безуспешно докладывал императору о необходимости изменения его состава⁵². С января 1911 г. большая часть октябристов фактически перешла в оппозицию.

Наращение разногласий между правительством и палатами привело в марте 1911 г. к конституционному кризису. Поводом для него стало рассмотрение законопроекта о введении положения о земских учреждениях в шести западных губерниях. Весной 1909 г. Столыпин поддержал предложение группы правых Государственного совета, призывавших изменить порядок выборов в верхнюю палату от землевладельцев Западного края (такая форма представительства была связана с отсутствием там выборного земства). Их почти неизменно выигрывали поляки, составлявшие всего 4% населения края и около половины местных землевладельцев, но отличавшиеся сплоченностью. Поэтому правые выступали за избрание представителей землевладельцев по национальным куриям. Однако из-за несогласия Думы на такое преобразование Столыпин решил вместо пересмотра порядка выборов ввести в этих губерниях земское самоуправление во главе с русскими помещиками, что соответствовало пожеланиям обеих палат⁵³. Тем самым председатель Совета министров отказался от своего первоначального намерения увязать эту меру с проведением общей земской реформы в России.

При этом проявилась одна существенная особенность Столыпина как политического деятеля. По воспоминаниям В.И. Гурко, «народные нужды и те органические реформы, которые были необходимы для успешного развития страны, ему были совершенно неведомы,.. во всяком случае, собственных определенных мнений и предначертаний он не имел, а ограничивался тем, что прислушивался к чужим мнениям и выбирал из них те, которые казались ему наиболее отвечающими в данное время

общественным чаяниям наиболее государственно настроенных элементов»⁵⁴. Таки-ми элементами Столыпину представлялись тогда русские националисты, а ядро их думской фракции составляли русские помещики Западного края. Поэтому западное земство стало для него символом национальной политики, показателем «нарождающе-го русского самосознания» и готовности русского народа защищать свои интересы. Ему он посвятил больше речей, чем любому другому вопросу (5 выступлений в Думе и 4 в Государственном совете).

Внесенный в Думу в январе 1910 г. правительством законопроект предусматривал создание в шести западных губерниях общественного самоуправления на основе имуще-ственного ценза и одновременно ограничивал в правах самую богатую и влиятель-ную часть населения (польское дворянство). Руководящая роль в земстве предоставля-лась русским землевладельцам, преобладание которых обеспечивалось произвольным сочетанием имущественных, сословных и национальных цензов. В июне 1910 г. Дума, несмотря на многочисленные возражения, одобрила предложения правительства. При этом с согласия Столыпина она вдвое понизила имущественный ценз. В Государствен-ном совете законопроект также встретил жесткую критику. Тем не менее в феврале 1911 г. значительное большинство одобрило переход к постатейному чтению. Лишь после этого лидеры правых во главе с П.Н. Дурново и В.Ф. Треповым решили настаи-вать на его отклонении, рассчитывая добиться отставки Столыпина. Кроме того, их не устраивало снижение ценза, которое стало бы прецедентом для остальной России. Совет высказался за его повышение, однако в согласительной комиссии думцы при поддержке правительства могли полностью или частично настоять на своем. Поэтому часть правых решила проголосовать против выборов земских гласных по националь-ным куриям, так как именно в этом вопросе их позиция была решающей (члены других групп палаты в большинстве своем выступали против курий). Поскольку позиция им-ператора оставалась неопределенной, 4 марта 1911 г. Совет, несмотря на решительное выступление Столыпина в защиту курий, отклонил соответствующую статью, а затем и проект в целом.

Не желая создавать прецедент смены правительства из-за вотума законодательной палаты, Николай II не принял отставку Столыпина и вынужден был согласиться на его условия: роспуск палат на несколько дней, создание земства западных губерний на ос-новании царского указа, увольнение в «отпуск» Дурново и Трепова и изменение при участии первого министра состава Государственного совета в 1912 г.⁵⁵ «Столыпин... – вспоминал С.И. Шидловский, – просил государя для памяти написать эти условия, что и было сделано собственноручно государем синим карандашом на большом листе блок-нота. Этот листик я видел своими глазами у Столыпина, который его нам показывал»⁵⁶.

14 марта 1911 г. был издан указ о создании западного земства, соответствовав-ший проекту, одобренному Государственной думой (т.е. с поправками, против которых возражал Столыпин). Однако это не нашло поддержки ни у либералов, ни у консерва-торов. Одни были возмущены введением в действие закона, отклоненного законода-тельной палатой, другие – репрессиями против членов Совета. Гучков ушел с поста председателя Думы. В русской национальной фракции произошел раскол. Обе палаты (Государственный совет – впервые в своей истории) предъявили председателю Совета министров запросы по поводу поднесения им на подпись императору указа о создании западного земства. В своих ответах Столыпин отстаивал право правительства само-стоятельно определять наличие чрезвычайных обстоятельств. Тем не менее он возра-жал по существу, тогда как Горемыкин в 1906 и в 1914 гг. отказывался отвечать на запросы, превышавшие, по его мнению, компетенцию Думы. «Совершенно подчиняясь безусловному праву обеих палат и изменять, и отклонять предлагаемые им законопро-екты, правительство, – пояснял свои действия Столыпин, – все же должно было дать отчет, бывают ли такие исключительные минуты, когда и само правительство должно вступать в некоторую борьбу за свои политические идеалы». Он не сомневался в своем праве «вести определенную яркую политику»⁵⁷. В ответ обе палаты признали его дей-ствия незаконными.

Конституционный кризис привел к фактическому разрыву Думы со Столыпиным. С этого времени координация действий думского большинства и правительства окончательно прекращается. При рассмотрении бюджета Морского министерства Дума по большей части отклонила увеличение расходов по сравнению с прошлым годом (такие сокращения верхняя палата восстановить не могла). В резолюции по поводу аварии броненосца «Слава» она заявила об осуждении «всей системы и постановки службы и хозяйства морского ведомства». Результатом этого стала отставка морского министра С.А. Воеводского. Дума продолжала требовать расширения своих бюджетных прав, а Государственный совет весной 1911 г. фактически отказался поддержать правительство в споре о строительстве канализации в Петербурге.

Все время пребывания в правительстве Столыпин оставался решительным сторонником существования Государственной думы и сотрудничества с ней. Это было обусловлено его политическими взглядами, карьерными соображениями и личными качествами. Как отмечал Гурко, «Столыпин был рожден для роли лидера крупной политической партии, и, родись он в стране с упорядочившимся парламентарным строем, он, несомненно, таковым и был бы»⁵⁸. При этом он добивался сотрудничества на приемлемых для себя условиях: мог согласиться с думскими аргументами, но если этого не происходило, то жестко настаивал на своем и не шел на уступки. Это в конечном счете и привело к разрыву между ним и III Государственной думой.

Столыпину не удалось реализовать большинство предложенных его правительством преобразований. Однако, помимо крестьянской реформы, он, по словам Крыжановского, смог добиться «создания атмосферы, благоприятной правительству и его начинаниям. Блеском своего таланта и обаянием своей личности, умением идеализировать свою общественную деятельность, подымать идеи на пьедестал Столыпин вдохнул жизнь в завещанную прошлым программу устройства России... Он сумел привлечь к своей деятельности доверие общества, втянуть его в орбиту своих мыслей, создать в глухой провинции... новую общественность, ставшую для него опорой... Он примирил общество, если не все, то значительную часть его, с режимом. Он показал воочию, что “самодержавная конституционность” вполне совместима с экономической и идейной эволюцией и что нет надобности разрушать старое, чтобы творить новое»⁵⁹. Однако сменивший его Коковцов не обладал харизмой и не отстаивал ни либеральные реформы, ни националистические мероприятия. В результате он не сумел найти общий язык ни с одной из основных думских фракций. Горемыкин же в принципе не видел надобности в сотрудничестве с Думой и стремился свести свое общение с ней к минимуму. «Дума, – полагал Крыжановский, – и в этом главное ее значение, явилась весьма удобным инструментом для воздействия на настроение страны, которую через ее посредство легче утвердить в убеждении о необходимости принимаемых мер, чем прямыми приказами власти. Но, разумеется, на этом инструменте надо было уметь играть, а этого умения не оказалось, так как Дума после Столыпина была брошена на произвол судьбы и все связи с нею были утеряны»⁶⁰. Именно это стало едва ли не основной причиной неспособности российских представительных учреждений направить недовольство масс в легальное русло и предотвратить новую революцию.

Примечания

¹ Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы // Исторические записки. Т. 53. М., 1955; *он же*. Третьеиюньская монархия и образование третьеиюньского буржуазно-помещичьего блока // Вестник Московского университета. 1956. № 1; *он же*. Аграрный вопрос в III Думе // Исторические записки. Т. 62. М., 1958; *он же*. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина // Исторические записки. Т. 70. М., 1961; *он же*. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; *он же*. Столыпин и Третья Дума. М., 1968 и др.; Hosking G.A. The Russians Constitutional Experiment. Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1973; Дякин В.С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. М., 1976; *он же*. Сфера компетенции указа и закона в третьеиюньской мо-

нархии // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. VIII. Л., 1976; *он же*. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *он же*. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988 и др.; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984; *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906–1917). Киров, 1999; *он же*. Государственный совет и указ 9 ноября 1906 г. // *Отечественная история*. 1994. № 2; *он же*. Столыпин: реформы во имя России. М., 2004.

² Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 173; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 541.

³ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 173.

⁴ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 541–542.

⁵ *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 605–606.

⁶ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 557–559, 561, 583.

⁷ Государственная дума. Созыв I. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 1125–1129.

⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 565; *Шульгин В.В.* Годы. М., 1979; *Головин Ф.А.* Вторая дума по воспоминаниям ее председателя // *Исторический архив*. 1959. № 4. С. 153.

⁹ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 97.

¹⁰ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 191.

¹¹ Особые журналы Совета министров. 1906. Ч. 1. М., 1982.

¹² Подробнее см.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. *Российский либерализм середины XVIII – начала XX века*. Энциклопедия. М., 2010. С. 713–715.

¹³ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 189.

¹⁴ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 99. Подробнее см.: *Дякин В.С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России...

¹⁵ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 648–650.

¹⁶ Государственная дума. Созыв 2. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб., 1907. Стб. 106–120.

¹⁷ Там же. Стб. 167–169.

¹⁸ *Головин Ф.А.* Указ. соч. С. 153–154.

¹⁹ Записки Ф.А. Головина // *Красный архив*. 1926. № 6(19). С. 134.

²⁰ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 23–24.

²¹ Там же. С. 25.

²² Там же. С. 27–29.

²³ *Миллюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 423–424.

²⁴ Подробнее см.: Государственная дума Российской империи. Энциклопедия. М., 2006. С. 227; *Демин В.А.* Фракции II Государственной думы // *Вопросы истории*. 2006. № 10. С. 25–41.

²⁵ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 226.

²⁶ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 107.

²⁷ Государственная дума. Созыв 2. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1907. Стб. 433–445.

²⁸ В помещении фракции имелись инструкции для партизанских групп, переписка с ЦК РСДРП, инструкции местным партийным комитетам о революционной пропаганде, поддельные паспорта и т.п. (*Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 256).

²⁹ *Российское законодательство X–XX веков*. Т. 9. М., 1994. С. 300.

³⁰ Государственная дума. Созыв 2. Стенографические отчеты. Т. 2. Стб. 195–197.

³¹ Там же. Стб. 1481–1482.

³² *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 109.

³³ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 208–209.

³⁴ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 270–271.

³⁵ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 264–265, 644–645.

³⁶ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 92–93.

³⁷ Там же. С. 88–89.

³⁸ *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 305.

³⁹ Государственная дума. Созыв 3. Сессия 2. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 2279–2284.

⁴⁰ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 106.

⁴¹ Государственный совет. Сессия 3. Стенографические отчеты. СПб., 1908. Стб. 1907–1908.

⁴² *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 65.

⁴³ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 54–55.

⁴⁴ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 120. Подробнее см.: *Бородин А.П.* Столыпин. Реформы во имя России. С. 105–112.

⁴⁵ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 128, 131. В результате его рассмотрение затянулось и закончилось отклонением Государственным советом с молчаливого согласия правительства в июне 1914 г. Волостное земство было создано лишь Временным правительством.

⁴⁶ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 185.

⁴⁷ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1991. С. 213.

⁴⁸ Проект предусматривал введение сборов городским самоуправлением с утверждения нескольких министров. Совет проголосовал за установление таких сборов лишь в законодательном порядке.

⁴⁹ Государственный совет. Сессия 5. Стенографические отчеты. СПб., 1910. Стб. 832–841.

⁵⁰ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 146–147.

⁵¹ *Столыпин П.А.* Переписка. С. 359.

⁵² *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 207–208.

⁵³ Избрание членов Государственного совета землевладельцами было временным. После создания земств это право автоматически переходило к ним. (См.: *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... С. 220–226).

⁵⁴ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 542.

⁵⁵ *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство... С. 220–221.

⁵⁶ *Шидловский С.И.* Воспоминания. Ч. 1. Берлин, 1923. С. 194.

⁵⁷ Государственная дума. Созыв 3. Сессия 4. Стенографические отчеты. Ч. 3. СПб., 1911. Стб. 2850–2863.

⁵⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 541–543.

⁵⁹ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. С. 177.

⁶⁰ Там же. С. 155.

© 2012 г. **И. В. ОМЕЛЬЯНЧУК***

ПРАВЫЕ ПАРТИИ И П.А. СТОЛЫПИН

Взаимоотношения П.А. Столыпина и правых партий уже привлекали к себе внимание исследователей. С.А. Степанов в своей монографии рассмотрел связи монархического движения с правительством¹. А.П. Бородин осветил позицию правых политиков, не связанных непосредственно с монархическими организациями². А.В. Репников раскрыл оценку правыми политического курса Столыпина³. Из специальных исследований следует выделить статью Д.Д. Богдаевского⁴, посвященную деятельности одного из лидеров Союза русского народа (СРН) Н.Е. Маркова и его контактам с членами Совета министров. Тем не менее степень зависимости власти от политической поддержки монархистов, роль высокопоставленных сановников в расколе СРН, влияние правительственных субсидий на формирование политики правых еще нуждаются в изучении.

Уже в июне 1906 г. председатель Русской монархической партии (РМП) и редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут выразил полное одобрение действиям Столыпина, фактически сорвавшего начатые по инициативе Д.Ф. Трепова переговоры о приглашении кадетов в правительство⁵. России, заявлял по этому поводу Грингмут, нужны «серьезные, деловитые, честные русские министры», а Петербургу «ради дешевой популярности», нужны «красенькие», если не «красные» общественные деятели. «Слава Богу, – восклицал он, – что вся эта затея... рухнула!»⁶

* **Омельянчук Игорь Владимирович**, доктор исторических наук, доцент Владимирского государственного университета.